

- ~~7. Крупко М. Концепція особистості жінки в прозі Лесі Українки / Мирослава Крупко // *Леся Українка і сучасність* : зб. наук. пр. – Т. 3 – Луцьк : Волинська обласна друкарня, 2006. – С. 245–260.~~
- ~~8. Літературознавчий словник-довідник / [під ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва та ін.]. – К. : ВЦ Академія, 1997. – 752 с. – (Серія «Nota bene»).~~
- ~~9. Павличко С. Дискурс українського модернізму // Соломія Павличко *Теорія літератури*. – К. : Основи, 2002. – С. 21–95.~~
- ~~10. Третяченко Т. Художня проза Лесі Українки. Творча історія / Тетяна Третяченко. – К. : Наук. думка, 1983. – 287 с.~~
- ~~11. Українка Леся. Збір. творів : У 12-ти т. // *Леся Українка. Твори* : В 12 т. – Т. 7 – К. : Наук. думка, 1976. – С. 39–560.~~

Анна Косенкова

КОДЫ ЛЮБОВНОГО ЗАГОВОРА В СТИХОТВОРЕНИИ

И. БРОДСКОГО «НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ...»

Ситуация изученности лирики И. Бродского представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж в осмыслении и интерпретации текстов И. Бродского. И все же бродсковедение содержит достаточно лагун. Одной из таких лагун является осмысление игрового сближения лирических посланий поэта со стилистикой любовного заговора. В частности в этом плане не рассмотрено стихотворение «Ниоткуда с любовью...». Среди стратегий анализа, применяемых к данному лирическому посланию, в качестве наиболее основательных следует назвать изучение структуры авторского «я» В. Куллэ [6], выявление пространственно-временной организации в статье Л. Крыловой [5], определение И. Фоменко смыслообразующей роли стихотворения как зачина цикла «Части речи» и гоголевского подтекста в нем [12]. Несмотря на столь широкий научный поиск бродсковедов до сих пор без внимания остаются коды любовного заговора в структуре лирического послания «Ниоткуда с любовью...».

Цель статьи: интерпретационное прочтение символики, мотивики, стилизации, а также пародии, так или иначе, апеллирующих к кодам любовного заговора в стихотворении И. Бродского «Ниоткуда с любовью».

В фольклористике заговоры рассматриваются, согласно утверждению А. Л. Топоркова, как особый «фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения» [9, 185]. По мысли В. Н. Топорова, заговор будучи «произнесенным при определенных условиях, <...> становится осуществленным ритуалом, словесная часть которого описывает сам ритуал» [10, 24]. Видный английский фольклорист В. Ф. Райн подчеркивает, что «заговор – это, прежде всего, магическая формула, призванная исполнить желание заговаривающего...» [7, 245]. При этом В. Н. Топоров настаивает на том, что «индивидуальность заговора соотносена с его интимностью» [10, 22].

Характерно, что заговоры выделяются среди фольклорных текстов своей индивидуализированностью и эта черта потенциально роднит их с жанром лирического послания.

В лирическом дискурсе авторские трансформации фольклорного заговора включают «мотив словесной ворожбы», что становится показателем, как отмечает Н. В. Барковская,

«взаимобратимости слов и вещей, замены реального мира словесным» [2, 476]. Согласно точке зрения С. А. Фокиной, экспликация перформативного потенциала лирического послания, «способствует преодолению расстояния между лирическим “я” и адресатом» [11, 114]. Кроме того, заклинательная функция любовного заговора может быть направлена «на коммуникативного партнера, на преодоление судьбы и изменение собственной сущности» [11, 114].

Именно наличие перформативности акцентирует в смысловом тексте лирического послания коды любовного заговора.

Показательно включение кодов любовного заговора в семантическое поле стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью...».

Ниоткуда с любовью, надцатого марта
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне –
как не сказано ниже по крайней мере –
я взбиваю подушку мычащим "ты"
за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя [2, 398].

Стихотворение написано в 1975 году после отъезда И. Бродского из СССР и проникнуто духом изгнания. Характерно, что лирический герой в поэтической системе И. Бродского принципиально автобиографичен. Не исключением является и лирическое послание «Ниоткуда с любовью...». Но адресат послания сознательно оказывается неясен, размыт и неизвестен:

дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить...

Коды любовного заговора, присутствующие в тексте задают образ адресата. Данный адресат имеет прототип, отношения с которым были сложные, многогранные и неоднозначные. Речь идет о Марине Басмановой, талантливой художнице, близкой подруге и музе И. Бродского. В книге Л. Лосева «Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии» рассказывается о любви И. Бродского к ней и том влиянии, которое ее образ оставил в лирике поэта. Несомненно, что стихи, «посвященные “М. Б.”, центральны в лирике Бродского не потому, что они лучшие – среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, – а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность» [6, 72–73]. А. Ахматова характеризуя впечатление, производимое М. Басмановой, заметила: «Тоненькая... умная... и как несет свою красоту! <...> Одна холодная вода» [6, 72].

В контексте авторского мифа в стихотворении совмещаются биографические подробности, значимые для И. Бродского, коды любовного заговора, античные мифологемы, символика и различные интертексты.

Античные мотивы задает тема забвения, имплицитно вводя в текст мифологему Леты – реки «в царстве мёртвых, испив воду которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь» [8, 315].

...ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но
и ничей верный друг...

В античности Лета представлялась еще и необходимым средством для постижения запредельного. В статье А. Тахо-Годи «Лета» указывается: «пришедшие спросить знаменитый оракул предварительно пьют воду из двух источников: Леты – забвения, чтобы забыть о заботах и волнениях, и Мнемосины – памяти, чтобы запомнить услышанное и увиденное в пещере» [8, 315]. Лета как персонификация забвения, в то же время актуализирует значение памяти.

Исповедальное начало и заклинательный характер лирического послания соотносятся в подтексте с признанием греха гордыни и следствием отдаленности от адресата и взаимной отрешенности лирического героя и Бога.

я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;

Принятие наказания моделируется по античному аналогу мук Сизифа и Тантала, а налагаемой карой оказывается изгнание и одиночество. В данном контексте строка «извиваясь ночью на простыне» отражает нескончаемое переживание боли и страдания. В то же время это отсылка к жизни и творчеству Овидия. Достаточно вспомнить, изгнание Овидия и что он автор «Метаморфоз».

В тексте И. Бродского метаморфозы также присутствуют. Лирический герой отождествляет себя со змеей: «извиваясь ночью на простыне», далее с мычащим животным: «я взбиваю подушку мычащим ”ты”». Мычащая ипостась указывает как на безмерную грусть, отчаяние, тоску, так и становится знаком проклятия.

С точки зрения С. Ю. Артемовой именно «акт говорения творит утерянный было лирическим героем мир», а «черты адресата возникают непосредственно после произнесения “мычащего ты”» [1, 203]. Но при этом не менее важен фактор автоиронии, который, совмещаясь с кодом любовного послания, делает текст перформативным. Перформативная наделенность высказывания возможностью производить действие – соответствует заклинательной функции, что способствует «как переживанию вместе с коммуникативным партнером магического обряда, так и самопознанию» [11, 114]. Перформативность высказывания в лирическом послании И. Бродского соответствует авторской трансформации кодов любовного заговора. В то же время наличие перформативных элементов подкрепляется магическим статусом предметности. Именно зеркало в стихотворении И. Бродского оказывается объектом, который позволяет осуществиться любовному заговору. Зеркало становится волшебным предметом, символически воплощая в себе потенциал поэтического слова.

Прохождение метаморфоз не противоречит идее зеркальности, а даже наоборот подчеркивает возможность самого зеркала переживать метаморфозы. Завершением метаморфоз становится превращение лирического героя в зеркало, отражающего черты возлюбленной. Любящий, уподобленный волшебному зеркалу в тексте И. Бродского, обречен на одержимость памятью:

в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.

Слово «темнота» здесь, возможно, означает темное царство – подсознание. Появляется принципиальное расхождение с начальными строками. Лирический герой помнит все до малейших подробностей и обречен на бесконечное переживание разлуки.

Призрачность самого лирического героя, погрузившегося в забвение, требует отражения в ином мире. Лишь волшебное зеркало способно создать онирическое пространство – совмещающая несовместимое – сон и реальность.

Магический потенциал слова активизирует введение в текст бродского стихотворения коды любовного заговора, отражая страстное желание лирического субъекта обрести призрачную возможность приблизиться к возлюбленной, утраченному прошлому и родине.

Список использованной литературы

1. Артемова С. Ю. Человек vs. поэт в цикле «Части речи» / С. Ю. Артемова // Иосиф Бродский : проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред.: А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова]. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 199–207.
2. Барковская Н. В. Слово-проклятие и слово-заклятие в творчестве Ф. Сологуба / Н. В. Барковская // Серебряный век : диалог культур : [сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, посвящ. памяти профессора С. П. Ильёва] / [отв. ред. Н. М. Раковська]. – Одеса : Астропринт, 2012. – С. 475–483.
3. Бродский И. А. Ниоткуда с любовью... / И. А. Бродский // Собр. соч. : 4 т. – Т. 2. / [сост. Г. Ф. Комаров]. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994. – С. 398.
4. Крылова Л. А. Пространственно-временная организация стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью...» / Л. А. Крылова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения : [межвуз. сб. науч. тр.]. – М. : Московский гос. обл. университет, 2004. – С. 169–172.
5. Куллэ В. Структура авторского «я» в стихотворении Иосифа Бродского «Ниоткуда с любовью» / В. Куллэ // Новый журнал. – 1990. – Кн. 180. – С. 159–172.
6. Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 447 с.
7. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / [пер. с англ. А. Чернецов] // В. Ф. Райан. – М. : НЛЮ. – 720 с.
8. Тахо-Годи А. Лета / А. Тахо-Годи // Мифология. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 315.
9. Топорков А. Л. Заговор / А. Л. Топорков // Славянская мифология: [энциклопед. словарь] / [под ред. Л. М. Анисова]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
10. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста : Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 22–25.
11. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» / С. А. Фокина // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis № 130: Studia Russologica V. – Krakow : Copiright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.
12. Фоменко И. В. Цикл «Части речи»: опыт интерпретации / И. В. Фоменко // Иосиф Бродский : проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред. : А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова]. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 187–198.